

Сафаров Ринат Тагирович

К ЭТИМОЛОГИИ ТАТАРСКОГО САЛДАУ, РУССКОГО САНДОЛЬ

До сегодняшнего дня этимология слова 'салдау' в татарском языке, которому в русском соответствует 'сандоль' "острога, трезубец", не была предметом специального исследования. В данной статье сделана попытка дать этимологический анализ данной лексеме, для чего представлены доступные источники, в которых она зафиксирована, семантическое поле, фонетические параллели из родственных и неродственных языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 169-171. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

**INFLECTIONAL AND STRUCTURAL CHARACTERISTIC OF GRAMMATICAL CLASSES
IN TABASARAN AND CATEGORIES OF GENDER IN RUSSIAN**

Safaraliev Nizami Esedullaevich, Ph. D. in Philology
Zagirov Velibek Mirzabekovich, Doctor in Philology, Professor
Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy named after A. A. Takho-Godi, Makhachkala
nsafaraliev@yandex.ru

The article is an attempt to characterize the inflectional and structural features of the grammatical class, one of the leading categories of the languages of the Lezgin group, in comparison with gender in the Russian language. The class category, functioning in the sphere of formal morphology as a category of the compliant parts of speech, is the simplest in the Tabasaran language and undergoes the process of gradual decay, while in the Russian language, as in other Slavic languages, three-gender system is preserved and complicated.

Key words and phrases: category of grammatical class; gender classification; the Tabasaran language; class of person; class of thing; nominal classification.

УДК 81'373.6

До сегодняшнего дня этимология слова 'салдау' в татарском языке, которому в русском соответствует 'сандоль' «острога, трезубец», не была предметом специального исследования. В данной статье сделана попытка дать этимологический анализ данной лексеме, для чего представлены доступные источники, в которых она зафиксирована, семантическое поле, фонетические параллели из родственных и неродственных языков.

Ключевые слова и фразы: татарский язык; этимология; салдау; сандоль; названия колющего оружия.

Сафаров Ринат Тагирович, к. филол. н.
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
safar.rinat@yandex.ru

К ЭТИМОЛОГИИ ТАТАРСКОГО САЛДАУ, РУССКОГО САНДОЛЬ

Одним из самых распространенных типов боевой экипировки, который использовали как малоимущие, так и состоятельные воины Средневековья, было древковое колющее оружие в виде копья вместе со всеми его модификациями. Механизм действия такого оружия заключался в нанесении колотых ран противнику. Различные типы копий у разных народов обладали уникальной формой наконечника и носили определенное название. В русском языке отдельные виды древкового колющего оружия представлены такими названиями как копьё, пика, рогатина, трезубец, ухват, вилы, острога и др. Татары также были знакомы с несколькими видами копий. В письменных источниках зафиксированы *сөңге*, *аю сөңгесе*, *жыба* (*чыда*, *чидә*, *жидә*), *нәйзә* (*найза*), *салдау*, *сөйре* (*сөйрек*) [16, б. 12], *чәнечке*, *сәнәк* и др.

Из представленного ряда более активным в употреблении в современном татарском языке является *сөңге* [сөңгә] 'копьё, пика'. Остальные отличаются от *сөңге* либо своей конструкцией, либо функционально и находясь в пассивном словарном запасе: *жыба* 'дротик', *салдау* 'длинная пика' [2, б. 93]; персидское заимствование *нәйзә*, по мнению А. Тимергалина, – 'копье с несколькими зубьями, каждый зубец которого снабжен зазубринами' [16, б. 12]; редакторы, готовившие к изданию дастан «Идегей», истолковывают *нәйзә* аналогично. Однако материал из других тюркских языков данную интерпретацию не подтверждает: практически во всех мусульманско-тюркских языках *нәйзә* – то же, что и *сөңге*. Арабское заимствование *мизрак*, как правило, использовалось в устаревшей книжной речи в значении 'копье, пика'. Такие колющие орудия труда и быта, как *аю сөңгесе* 'двурогое копье (букв. «медвежье копье）」, *сөйре*, *чәнечке* 'острога', а также *сәнәк* 'вилы', в случае необходимости применялись несостоятельными ополченцами в качестве боевого оружия.

В данной статье будет предпринят этимологический анализ татарской лексемы *салдау*, русской *сандоль*.

В современных нормативных словарях татарского языка слово *салдау* не зафиксировано. В диалектной лексике данная единица бытует в турбаслинском говоре в значении 'пика, которой вонзают в плавающую в воде рыбу' [15, б. 558]. З. Р. Садыкова указывает на использование анализируемой лексемы в пермском говоре татарского языка и приводит пример: *төннә балық чирақларға йөрибиз салдау белән чәнечек* 'ночью, вонзая салдавом, ходим рыбу ловить' [12, с. 86]. Исследователь лексики рыболовства татарского языка О. Н. Бяжикова, ссылаясь на З. Р. Садыкову, истолковывает *салдау* как 'орудие в виде копья, используемое для ловли крупных рыб, оказавшихся в мелководных местах реки', и полагает, что татары были знакомы с этим орудием лова [5, с. 52]. Данная лексема рассматривается в трудах Р. Г. Ахметьянова [1, б. 169; 2, б. 93], зафиксирована в словаре А. Тимергалина [10, б. 391].

Слово *салдау* встречается в родственных и неродственных языках: тат. *салдау*, башк. *һалдау*, *һалтау*, *һандау* [3, б. 371, 372]; каз. *салдау*, узб. *солдов*, туркм. *салдав*, к.-калп. *салдау*, мар. *салда*, *салдау* [8, с. 42];

рус. *сандовь, сандоль, салдава/солдава, сальда, санда, сандов, сандовль, сандовьё, сандоли, сандолики, сандоля, солдава, солдова* [6, с. 137; 13, вып. 36, с. 61-118; вып. 39, с. 255, 258]; укр. *сандова, сандоля* [17, с. 556].

Исследуемая лексема зафиксирована в некоторых письменных источниках: *салдау* [سالداو (чаг.)] [11, с. 370], в татарско-русском словаре И. П. Березгина – *ساندا санда* [3, б. 143].

Семантическое поле исследуемого слова: 1) «острога» – тат., башк., мар., рус, укр., И. П. Березгин; «острога, имеющая от двух до четырех зубцов» – рус.; 2) «багор, которым таскают рыбу из проруби (из воды во время осеннего лова)» – рус.; 3) «большое, длинное копье» – тат.; 4) «пика для нападения на медведя» – башк.; 5) «жердь, шест» – каз.; 6) «мостки у реки, озера» – тат.; 7) «канат, аркан» – к.-калп., туркм., В. В. Радлов; «верёвка, лямка, с помощью которой тянут лодку против течения» – узб., рус.; «верёвка, с помощью которой тянут санки по льду, лодку против течения и т.п.» – рус.; 8) «деревянное ведро для кумыса» – башк.

О происхождении слова определённой информации нет. Марийские *салдау*, *сальда* Н. И. Исанбаев считает заимствованиями из татарского языка [8, с. 42]. М. Фасмер отмечает, что рус. *сандоль* «двурогая острога для битья рыбы» – тёмное слово и ограничивается фиксацией украинских вариантов [17, с. 556]. В этимологическом словаре украинского языка происхождение слова *сандова/сандоля* не раскрыто [7, с. 117].

На наш взгляд, данное слово могло проникнуть в русский язык из тюркских языков. Фонетические изменения, имеющиеся в русских вариантах, вполне объяснимы и закономерны: *сандоль, сальда, санда, сандоли, сандолики, сандоля* > *сандовьё, сандовль, солдава, солдова, салдава/солдава* > *сандов/сандовь*, т.е. л < в [9, с. 37]. Наличие в языке десятков фонетических вариантов одного и того же слова также свидетельствует о его заимствованности.

Этимологию лексемы в татарском языке рассматривает Р. Г. Ахметьянов, который полагает, что основное значение слова – «мостки у реки, озера», и оно образовано из корня *сал* «плот», способ образования неясен. Значение же «острога» исследователь считает вторичным. «Чтобы зацепить крупную рыбу на крюк (багор), делали мостки у берега, такой способ ловли начали называть *салдау*, это значение перешло и на орудие ловли», – предполагает исследователь [14, б. 136]. Такую этимологию, на наш взгляд, бесспорной считать нельзя, хотя мы вполне согласны с Р. Г. Ахметьяновым об этимоне исследуемой лексемы.

Определенную ясность о происхождении слова *салдау* может внести описание «сандольного лова», подробно изложенного в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона». Авторы утверждают, что «лов производится на лодках, вмещающих трех взрослых работников и мальчика, с вершины мачты высматривающего появление на поверхности воды спины белуги или осетра; по указаниям мальчика лодка направляется к рыбе, и один из работников бросает в нее *сандоль*, привязанную к веревке, намотанной на особый тщательно смазанный вал; небольшую рыбу тотчас вытаскивают, крупную же предварительно утомляют, допуская ее волочить за собой лодку» [18, с. 258].

По нашему мнению, данное описание лова рыбы с помощью *сандоли* многое объясняет и позволяет объединить столь несвязанные между собой значения слова *салдау* в разных языках (см. выше семантическое поле). Мы полагаем, что исследуемая лексема появилась путем сокращения с помощью удаления связующих слов эллиптическим способом, т.е. первоначально слово было связано с существительным *сал* «плот» и являлось его именем действия в значении «делать как плот, волочить как плот и т.д.». Ср.: крупные рыбы волочили за собой лодку, подобно плоту (*сал*). Название остроги *салдау* возникло путем опущения компонента *корал* «инструмент, орудие»: *салдау коралы* «орудие для волочения». Значения «канат, аркан», «верёвка, лямка, с помощью которой тянут лодку против течения» возникли от сокращения сочетания слов *салдау бавы* «веревка, лямка для волочения». В туркменском языке зафиксирована и полная форма *салдав аркан* «канат, аркан». Таким образом, основная смысловая нагрузка была смещена на уточняющее слово. Значения «пика», «жердь», по всей видимости, – результат использования остроги в качестве оружия или бытового орудия труда. Значение «ведро для кумыса» в башкирском языке, по всей вероятности, связано с определённой технологией изготовления кумыса.

Следует отметить, что, с фонетической точки зрения, при верности нашего предположения о происхождении лексемы, в современном татарском языке *салдау* должно было бы звучать *саллау*. Форма *салдау* же более характерна для языков, где ассимиляционно-диссимиляционные процессы выражены сильнее, таких как ногайско-кыпчакские.

Таким образом, лексема *салдау* в различных значениях зафиксирована в родственных и неродственных языках. Наиболее распространенные значения «острога» и «канат, аркан, верёвка, лямка, с помощью которой тянут лодку против течения» чаще наблюдается в тюркских языках. Употребление слова, как правило, лишь в южных диалектах русского языка и в украинском языке, а также большое количество фонетических вариантов в русском языке свидетельствуют о возможности его заимствования. В тюркских языках *салдау/салдав* является эллипсисом от таких сочетаний как *салдау коралы, салдау бавы*, в основе которого лежит корень *сал* «плот». Использование *салдау* как непосредственно орудия ловли рыбы указывает на то, что этот инструмент не является специальным оружием, а применяется в качестве пика, копья лишь при военной необходимости.

Список источников

1. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: ике томда. Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. Т. II. М-Я. 568 б.
2. Әхмәтъянов Р. Г. Татар терминологиясенен тарихи чыганақлары. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 174 б.
3. Башкорт теленен диалекттары һүзлеге. Өфө: Китап, 2002. 432 б.
4. Березгин И. П. Словарь татарского языка с начертанием слов русскими буквами, с повторением их по-татарски и с переводом на русский язык. Уральск: Уральская обл. тип., 1914. 253 с.
5. Бятикova О. Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке. Казань: ИЯЛИ, 2005. 151 с.

6. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 4. 684 с.
7. **Етимологічний словник української мови:** у 7 т. / уклад. Р. В. Болдирев та ін. Київ: Наукова думка, 2006. Т. 5. Р-Т. 704 с.
8. **Исанбаев Н. И.** Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1978. С. 3-50.
9. **Князев С. В.** Русская диалектная фонетика. М.: Изд-во МГУ, 2008. 42 с.
10. **Миллият сүзлеге:** анлатмалы сүзлек / төз. А. Тимергалин. Казан: Мәгариф, 2007. 575 б.
11. **Радлов В. В.** Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1911. Т. 4. 2230 с.
12. **Садыкова З. Р.** Зоонимическая лексика татарского языка. Казань, Татар. кн. изд-во, 1994. 129 с.
13. **Словарь русских народных говоров** / под ред. Ф. П. Сороколетова. М. – Л.: Наука, 2002. Вып. 36. С – Святковать. 344 с.; М. – Л.: Наука, 2005. Вып. 39. Сметушка – Сопочить. 344 с.
14. **Татар теленең анлатмалы сүзлеге:** 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. Т. II. 726 б.
15. **Татар теленең зур диалектологик сүзлеге** / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 840 б.
16. **Тимергалин А.** Сугыш аләтләре // Фән һәм тел. 2002. № 4. Б. 12-16.
17. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Астрель; АСТ, 2003. Т. 3. 832 с.
18. **Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона:** в 41 т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1900. Т. 28. 496 с.

ON THE ETYMOLOGY OF THE TATAR SALDAU, THE RUSSIAN SANDOL'

Safarov Rinat Tagirovich, Ph. D. in Philology

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
safar.rinat@yandex.ru*

To this day, the etymology of the word «saldau» in the Tatar language, which corresponds to «sandol'» in the Russian language («fish-fork, trident») has not been the subject of a special study. In this article an attempt is made to give an etymological analysis of this lexeme, for which the available sources in which it is fixed are represented, as well as the semantic field, phonetic parallels from related and unrelated languages.

Key words and phrases: the Tatar language; etymology; saldau; sandol'; name of thrust weapon.

УДК 811.134.2

В статье объектом рассмотрения послужили спортивно-новостные тексты испанской прессы. Целью анализа стало выявление в таких текстах разнообразия механизмов критики, направленной на профессиональную деятельность спортсменов. При анализе обращается внимание на специфику лексики, обслуживающей выделенные критические механизмы, а также отмечается информационная и эмоциональная весомость надфразового единства, в котором реализуется критический механизм. Делается вывод о синергетическом эффекте при использовании в одном тексте нескольких критических механизмов.

Ключевые слова и фразы: механизм критики; мейозис; надфразовое единство; митигативный механизм; эвфемизм; обценная лексика.

Седова Татьяна Викторовна, к. филол. н., доцент

*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва
rector@rea.ru*

МЕХАНИЗМ КРИТИКИ В СПОРТИВНО-НОВОСТНЫХ МАТЕРИАЛАХ ИСПАНСКИХ ГАЗЕТ

Актуальность выбранной темы продиктована, с одной стороны, недавними событиями – проведением чемпионата Европы по фигурному катанию 2017 года и чемпионатом мира по биатлону 2017 года, – а с другой стороны, каждодневной необходимостью информировать о работе профессиональных спортсменов так, чтобы репортажи об их деятельности были объективными, полезными и конструктивными и не вызывали озлобленности и раздражения или гнева со стороны критикуемых. Особенно это важно и ценно в силу того, что подобная критика носит публичный и открытый характер, а безмолвными «соучастниками» такой критики становятся читатели спортивных новостей.

Объектом исследования данной работы стали спортивно-новостные публикации в испанской прессе.

Цель работы – выявить вербальные механизмы критического осмысления профессиональной деятельности спортсменов на страницах испанских газет и рубрицировать их.

Одновременно в исследовании будут прослеживаться случаи использования выпадающих из общеупотребительного пласта лексики единиц, оформляющих механизм критики, а также роль надфразового единства как синтаксического целого в критических материалах.

Одним из частотных механизмов критического осмысления является митигативный механизм [3, с. 54-55]. Он базируется на мейозисе, то есть незначительном уменьшении. Выбрав на виртуальной аксиологической шкале точку идеала, автор сознательно немного – на несколько градусов или несколько единиц – сдвигает